

НАРЬ

Анна Нушнарь
24 года. Окончила МГИМО
(специальность «торговое
дело»), говорит на пяти
языках, абсолютный победи-
тель Всероссийской олим-
пиады по обществознанию,

сейчас занимается финан-
сами. Жила в Москве, Пенне,
Вашингтоне. Имеет научные
публикации в российских
и зарубежных журналах
(например, в журнале
COSINES Pi).

Рассказ «Нарь» посвящен жертвам преступлений, «которых не было», о них сообщают только 10–30 % пострадавших. Особенно уязвимы дети: часто они сами пытаются «не поверить» в то, что с ними случилось, и одновременно скрыть реально происшедшее от своих близких. Ключевое в рассказе – это атмосфера ирреальности, которая возникает при сильной травме у ребенка.

Вода была очень близко к лицу. Если наклониться и подуть на нее, то на поверхности начнет переливаться мелкая рябь. Мне шестнадцать. Синее-синее небо и много солнца. Ветерок баюкает верхушки сосен. Желтые деревья смотрятся в воду пруда и отражаются в ней, как в потемневшем зеркале. От понтона несет сыростью, но на нем приятно сидеть. Я наблюдаю, как листья и палочки плывут по течению вниз к дамбе, как ветер колышет сосны. Водомерки танцуют на воде. От них, как от моего дыхания, тоже идет рябь.

Сзади кто-то зашелестел листьями. Я все никак не привыкну видеть его здесь в своем сером свитере и рубашке, такого городского... Папа, переминаясь с ноги на ногу, стоит у понтона. Его ботинки застучали по растрескавшимся доскам. Водомерка нарисовала сразу два круга, когда папина рука легла мне на плечо. Мне, наверное, следовало по-

вернуть голову и улыбнуться. Я поежилась. Мелкие мурашки на руках. Я попыталась что-то сказать, но в итоге вырвалось только несколько бессвязных звуков.

Пока мы шли, до меня доносились обрывки восклицаний и булькающий смех, но я не могла понять, что папа мне говорит. Фразы сливались в какую-то кашу... Мы идем быстро, слишком быстро. Слепящие блики на воде. Запах сырости и сосновой смолы бьет в нос. Вот папа останавливается и начинает шарить в карманах. Мягкая белая рука теребит связку новеньких ключей, ключи чуть подрагивают в пальцах и жалобно звенят. Большой палец ложится на холодную поверхность одного из ключей, остальные пальцы практически сжимаются в кулак, когда папа вставляет ключ в замочную скважину калитки. Мощенная плиткой дорожка змеится к моим ногам.

Папа хотел, чтобы она была именно такой: чтобы от самой калитки дорожка вела гостя мимо стволов корабельных сосен прямо в его любимую ротонду. Папа работал дипломатом, и в разных городах, где нам приходилось жить, он подмечал удачные решения, которые, как он говорил, «нам надо привезти домой». Ротонду он «привез» из Валенсии, городка на востоке Испании. Мы, бывало, подолгу с ним обсуждали, что и как будет расставлено на нашей даче в России... В нашем настоящем

доме – не в этих тесных квартирках в диггородках. Папа получил повышение и купил дачу, когда мы еще были в Испании. Но въехали мы туда уже без него. Однажды утром я увидела на кухонном столе мой синий чемодан. Мать сидела, опершись подбородком на обе руки, и смотрела перед собой. Ее редкие волосы были забраны в тугий пучок. Она сказала, что, если я не потороплюсь, мы опоздаем на самолет...

Папа стоит на дорожке и тянет меня за руку. Я чувствую холод от калитки на моей щеке: похоже, я, привалившись к ней, простояла так какое-то время. Папа осторожно обнимает меня за плечи и ведет по дорожке. «Папа-па», – говорю я, мне хочется ему рассказать, что, когда мы приехали сюда, я сбегала от матери в ротонду, чтобы позвонить ему. Мать запретила мне общаться с папой. Но, когда я возвращалась домой раньше нее, я бежала в ротонду и звонила ему. Чаще всего папа не брал трубку... Был занят, наверное. Но иногда мне удавалось поймать его между встречами. Тогда в трубке булькал его смех, и мы болтали. Я ходила кругами по ротонде, рисовала указательным пальцем в воздухе высокие сосны, дамбу, моих новых одноклассников – да все подряд... Я думала, папа остановится и будет разглядывать свою ротонду, но он тянет меня мимо нее... Помню телефонные гудки – «абонент недоступен», звуки долетают до меня как сквозь вату – «извини, не могу говорить».

Папа отпер дверь, и мы вошли в тесный тамбур. Дом был тридцать седьмого года постройки, наспех свезенная дорогая мебель расставлена невпопад, кое-где вокруг окон виднелись серебристые вставки утеплителя. Родители хотели реконструировать дом постепенно: сначала утеплитель, потом окна, потом стены, пол и потолок... Но пока руки дошли только до утеплителя. В комнатах, освещенная столбами солнечного света, кружилась пыль. Еле слышные шорохи долетали со второго этажа: то ли скрип половиц, то ли шелест листьев за окном. Вдруг с улицы донесся короткий металлический звук... Я помню этот дом! Помню его дыхание, помню тихий скрип половиц по ночам. Перед глазами начинают мерцать тысячи огоньков, не хватает воздуха, я чувствую, как тело заваливается набок, потом все сливается в одно черное месиво...

Черное. Коричневое. Серое. Из темноты начинают выплывать контуры: паркет, плинтус, ножка комода. Я поворачиваю голову – на меня смотрит папа. Он говорит, что сейчас откроет окно и принесет мне воды. Под головой мягкая ткань его пальто. Похоже, он подложил мне его под голову, пока я была без

сознания... Папа, как загнанный зверек, мечется по прихожей, находит кухню. Слышится хлопанье шкафов, журчание воды и чертыханье. Чувствую, что он берет меня на руки... Он не брал меня на руки с тех пор, как мне исполнилось семь. Я хочу сказать, что я уже взрослая и мне не надо помогать. «Н-н-не...» Папа продолжает пыхтеть, над моей головой проплывает люстра гостиной. «Не-е-е на-на...» Я чувствую затылком кожаный подлокотник дивана. У моего рта блестит вода в стакане. В комнате слышатся только шорохи и неровное дыхание папы. «Надюша, попей. Сейчас окно откроем. Давай попьем водички, хорошо?..»

Занавески на окне в гостиной больше нет. Она сдвинута в самый угол, к стене. По всему телу пробегают дрожь. За окном гостиной стоит Другой Лес.

Вниз от дома шла тропинка к дамбе. Я любила сидеть у пруда, но к дамбе спускалась очень редко. Вода там пахла гнилью. Через дамбу был перекинут маленький мостик, под ним стояла сетка, возле которой скапливались грязь и опавшие листья. Все коряги оставались по одну сторону мостика – по другую вода мутным потоком текла дальше и срывалась с небольшого рукотворного водопада. Летом и осенью вокруг этого водопада была топь. Зимой болото замерзло, а сам водопад обрастал желтоватыми сосульками – тогда только я туда спускалась. У этой дамбы и находился Другой Лес. Деревья... Их даже язык не поворачивается назвать деревьями – для них бы больше подошло слово «полутрупы». Там не было осин и берез, не было даже корабельных сосен. Только облезлые елки. Лапы этих елок начинались в метре от земли и были совершенно лысыми, на следующих уровнях иголки зеленели только на самых концах, а все остальное было сплошной сухой филигранью из мертвых белесых веточек. Между деревьями все было усыпано сухими иголками и побелевшими шишками. Там не росла даже трава. Бабушка говорила, что там нехорошая земля.

Мы переехали в дом в начале февраля, мне тогда только-только исполнилось двенадцать. Но впервые я пришла в Другой Лес в апреле, когда сошел снег. На пригорке среди елок я увидела одинокое деревце, где-то с меня ростом. Ветки с коричневыми почками смотрели в сторону моего дома, на них светились на солнце капельки росы. Я часто гуляла одна. Вот и тогда я была одна и поэтому решила подойти поближе. Деревце как-то скособоилось на правую сторону, и я сняла перчатки, чтобы его поправить. Когда я потянула ствол на себя, из-под земли вдруг вылез совершенно белый кусок корня.

Рука отпустила ствол, и деревце упало навзничь на левую сторону. Из зияющей дыры на меня смотрели изъеденные плесенью ошметки корней. Плесень здесь ползла из земли и поедала все. Она была везде: под шишками, под корой на стволах елок... Должно быть, ее грибицы прорастают вширь каждый год, и когда-нибудь она доберется и до дома, и до деревьев на пруду.

Тем же вечером я рассказала бабушке о том, что видела в Другом Лесу. Она задумчиво расчесывала мне волосы. Я помню, как тогда ее морщинистые руки прикоснулись к моей щеке. Она отложила расческу и тяжело опустилась в кресло. «Да, солнышко, жалко деревце... Не в том месте ему выпало расти. Без корней... – Бабушка развела перед собой руки, как будто открывая невидимую книгу. – Тебе, Наденька, корни ой как нужны... А то вы с мамой, ей-богу, то здесь, то там...»

Вся в холодном поту, я проснулась оттого, что мать трясла меня за плечо. «Надя, не надо так стонать! Просыпайся!» Я протерла глаза.

- Тебе снился плохой сон?
- Мам, извини, что разбудила... Мне снилось, что нас хочет съесть плесень.
- Ничего страшного. – Мать коротко зевнула, прикрывая рот рукой. – Тебе заварить травяной чай или ты уже успокоилась?
- Я уже успокоилась...

* * *

Мне снова шестнадцать. Я отвернулась к спинке кожаного дивана. На меня пахнуло сыростью и холодом. Папа, похоже, открыл окно. Шорохи и скрипы в гостиной усиливались, становились назойливее. Я не слышала стука поднимающейся рамы. Окна в этом доме открывались на удивление тихо: ручка была в самом низу, ее надо было повернуть налево и поднять раму вверх, тогда стекло бесшумно наезжало на верхнюю часть окна. Тело будто онемело, я с трудом повернула голову к окну. И тут я их увидела. Бабушка сидела в кожаном кресле, ее седые волосы растрепались и реяли серым облаком вокруг полупрозрачного лица. Она положила руки на колени и смотрела в окно, как всегда, в своем необъятном халате и тапочках. Силуэт матери стоял рядом со столиком. С недопитым кофе в одной руке она перебирала бумаги. Она смотрела на дочку поверх своих узких очков. Девочка лет двенадцати с тугими косичками сидела на ковре и чертила что-то в тетради. Я сидела на ковре...

Осень. Ничего не помню из того дня. Только помню дождь, дождь... и туман. Когда я возвращалась из школы, моя мать всегда заставляла меня заниматься, всегда хотела, чтобы я занималась... У меня был кот. Его звали Филимон. Мать не разрешала мне спать с ним, но, когда она не знала, я забирала его к себе в комнату. Мне нравилось, как он мурлыкал и сворачивался в клубочек.

В ту ночь я не могла заснуть, и Филя лежал со мной. Вдруг пахнуло сыростью. Я помню, как я открыла глаза, потому что мне показалось, что в комнате еще кто-то есть. Шуршит штора. Тишина. Осторожное поскрипывание половиц где-то в углу комнаты. Справа от моей кровати было окно, и из него на одеяло полосами падал лунный свет. В углу комнаты стояло кресло, на которое я обычно складывала вещи. Но сейчас его совсем не было видно. Его загораживает темная фигура. Я пытаюсь пошевелить рукой и спрятаться под одеяло, но не могу. Пальцы сжимают что-то мягкое. Неожиданно раздались крики, крики моей матери. Ее голова тряслась, как у куклы. Когда свет проник в комнату, я увидела кровь на моих руках. Она кричала, как ненормальная. Не знаю, что случилось. Когда я открыла глаза, мои руки были все в крови. Одеяло, простыни, стены, шторы... Голова Фили ваялась на полу, и его желтые глаза смотрели на меня... как будто он что-то просил. Потом я заплакала.

Мать потащила меня в ванную. Холодная вода на руки, на лицо... Вкус мыла. Капли воды стекают по белесым волосам. Капли воды на зеркале. Мать прижимает мое лицо к раковине, вода льется на макушку. Она говорит, чтобы я разделась. Я стою в одних трусиках, переминаюсь с ноги на ногу и дрожу, кофточка и пижамные штаны красным комом лежат на холодной плитке. Скрипит дверь, и просовывается заспанное лицо бабушки. Мать роется в ящике под раковиной, выгребает прямо на пол тряпки и моющие средства. Пластиковые бутылки с грохотом ударяются о плитку. Она старается не смотреть на меня. Мать сжимает в руках одну из бутылок с распылителем, пшикает им на тряпку и быстро выходит из ванной. Я продолжаю стоять босыми ногами на кафельном полу.

Бабушка завернула меня в большое банное полотенце. Я прячу от нее глаза. Сажу на кожаном диване в гостиной, обхватив руками колени, и вся тряусь. Мать убирается в моей комнате.

- Ба, это не я... Это Нарь. Че-честно. – Я зарываюсь лицом в полотенце и чувствую, как оно становится мокрым у моего лица.

Мама всегда была самой рассудительной в нашей семье. Каждый вечер она заваривает мне чай с ромашкой и говорит, что я уже взрослая, чтобы бояться бабок-ежек и леших. Я киваю и пытаюсь улыбаться ей в ответ.

Бабушка ничего не отвечает. Она сидит на кресле, отвернувшись к окну.

– Тебе снился плохой сон?

– Не-нет. Это был не сон. Это Нарь пришел. Он стоял у моей кровати. Я слышала, ка-как он пришел, под ним скрипел по-пол...

Я не могла дальше говорить. Мать отдала меня к логопеду, когда моя учительница сказала, что я иногда заикаюсь. Она водила меня на занятия по вечерам каждый понедельник и среду. К девяти годам я уже больше не заикалась. Почти.

Ночник горел на столе теплым оранжевым светом. От дивана и кресел на ковер падали мягкие тени. Окна были прикрыты шторами. Я услышала, как бабушка усаживается рядом со мной на диван. Она гладит меня по мокрым волосам. Я прижимаюсь к ее груди. От нее пахнет валокордином и старостью...

– Ба, мама меня все еще любит?.. Она простит меня?

– Простит... – Голос матери совсем тихий, она почти шепчет. Она забралась с ногами на кресло. Правая рука у рта. Мокрые костяшки пальцев почти сжаты в кулак. – Надя, что такое Нарь?

Я боюсь, что начну при ней заикаться. К горлу подкатывает ком, я снова прячусь в полотенце.

– Оля, это я виновата... Не надо было мне Наденьке рассказывать все эти страшилки...

– Что такое Нарь? – Голос матери отдает металлом. – Можешь тогда ты мне объяснить?

– Нарь... Нарь – это такой упырь, он живет на кладбищах и питается мертвечиной... Ну как леший или Баба-яга. – Бабушка помедлила. – Но, Наденька, Нарь тут никак не могут жить. Даже в Другом Лесу. Они ни за что не заявятся к нам в дом...

– Мама, бога ради, хватит. – Голос матери прервался. – И без тебя тошно. – Мокрый кулак сжимается у ее лица. – Дожили... Мы с тобой завтра еще поговорим. А сейчас я отведу Надю спать.

* * *

Мятная зубная паста. От настенного зеркала слышится жалобное дребезжание. Держатель зеркала прижат слишком близко к стене – стена вибрирует из-за того, что на первом этаже работает стиральная машинка. В правой руке у меня зубная щетка, а левой я отодвигаю зеркальце от стены. На меня смотрит серое опухшее лицо. Я отворачиваюсь.

Наверное, все преступники думают, что они особенные. Что именно в их случае все по-другому. Они, должно быть, стараются убедить себя, что лично они ни в чем не виноваты, что это все обстоятельства... или какая-то мистическая сила. Вчера мы с матерью... с мамой ходили гулять на пруд. Мама устала после работы, но шутила со мной, трепала за волосы. А потом поцеловала меня в макушку... Я не знаю, как она это делает. Как находит в себе силы не бояться меня... После того, что я сделала.

«Бояться надо не мертвых. Бояться надо живых», – папа любил так шутить, когда я начинала пересказывать ему бабушкины страшилки. Смеется. Ведь и правда, верить во все это смешно. Это как верить в Деда Мороза... Интересно, взрослых людей, которые верят в Деда Мороза, могут закрыть в психушке?..

Мама всегда была самой рассудительной в нашей семье. Каждый вечер она заваривает мне чай с ромашкой и говорит, что я уже взрослая, чтобы бояться бабок-ежек и леших. Я киваю и пытаюсь улыбаться ей в ответ. Простыни и стены. Все в крови из-за меня. И я не понимаю, почему я могла сделать такое... Или... Нет. Не бывает ходячих мертвецов. Мама и бабушка не выдержат этого еще раз. Я не могу им сказать. Не должна. Я не хочу больше пугать их. «Его нет, его нет, – повторяю я и скребу у себя за ухом. – Нет...» Сегодня бабушка наконец-то согласилась дать мне свое снотворное.

На следующее утро после смерти Фили я проснулась от холода. Что-то легонько стукнуло по окну. Скрип половиц. У моей кровати. Нарь стоял в тени кресла и не двигался. У меня начинает кружиться голова. Черные глазницы. Его лицо почти все в тени, из темноты выступают только очертания большой лысой головы. В руках у него блестит что-то металлическое. Я лежу на спине и не могу пошевелиться, рука сжимает краешек одеяла. Ногти впились в ладонь. Я открываю рот, чтобы закричать,

ное между ногами. Не могу перестать плакать. Я не знаю, что случилось.

Солнце ложится полосами на подоконник. Подоконник грязный. Там куски земли. Земля белесоватыми комками лежит на полу у окна. Пахнет гнилью. Земля из Другого Леса...

Все становится каким-то далеким и безразличным. Я поднимаюсь с пола и стягиваю покрывало с кровати. Ванная. Комок вещей на полу. Я кладу вещи в стиральную машинку. Наверное, на втором этаже зеркальце у стены опять будет дребезжать. Включается душ. Теплая вода стекает по волосам... Голос у меня в голове: *«Это только понарошку...»* Теплая вода струится по коленям... *«Все преступники думают, что они особенные...»* Желтые глаза Фили... Вода у слива становится красноватой.

- *А взрослых людей, которые верят в Деда Мороза, могут закрыть в психушке?*
- *Нет, Надя, – отвечает бабушка.*
- *А всяких там убийц, воров, их могут закрыть в психушке?*
- *Нет, их скорее закроют в тюрьме. Вот помнишь, в новостях про насильника рассказывали? Его отправят в тюрьму.*
- *Насильника? Это кто?..*
- *Ну... Мы, помнишь, вместе эту передачу смотрели... Ну, лысый такой еще. – Бабушка замялась. – Он еще по ночам... Неважно.*

Я одеваюсь и бреду в свою комнату. Ноги не слушаются. Больно внизу живота. Земля с плесенью на подоконнике. Высовываюсь из окна. Коричнево-черная жижа у дорожки. И след. Большой след от мужского ботинка. Я пытаюсь сгрести землю в ладошку и высыпать ее в окно. От моих рук пахнет гнилью. Земля рассыпается. У меня не получается ее собрать. Я скребу ногтями о пол. Земля на полу.

Я не помню, как разбила ночник и окно. Бабушка сказала, что они снова проснулись от криков. Помню только осколки стекла у босых ног. Я смотрю на осколки, а мать тащит меня в ванную. Пытаюсь ей что-то сказать. Губы шевелятся, но звука нет.

